

A close-up portrait of a man with short brown hair and a beard, wearing a dark suit jacket over a white shirt. He is looking slightly to the right with a serious expression, his hands are near his chest. The background is dark with glowing blue binary code (0s and 1s) and circuit-like patterns.

ЭНИГМА²

ЛАНА МЕЙЕР

Лана Мейер
Энигма. Книга 2
Серия «Игра манипуляторов»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65486976

Аннотация

МАККОЛЭЙ: Холодный разум и гранитный камень вместо сердца.

Таким я был с самого детства. Сын ученого, на которого возложены большие надежды и великие Цели. Хладнокровный, циничный, жесткий.

Я не был способен на чувства и меня всегда все устраивало.

Пока не появилась она.

Она – главная загадка в этой безумной игре.

Она исключение, пробудившее во мне человеческие эмоции и чувства.

Она моя Энигма.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	39
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Лана Мейер

Энигма. Книга 2

{Там, где у нормальных людей находится сердце, у него – бездонная, черная дыра; и если ты не будешь внимательна, ты упадешь в нее и навсегда исчезнешь.}

{Загадочная кожа (Mysterious Skin)}

Глава 1

Кэндис

{«Это всегда должен быть я, Энигма. Запомни это. Мы с тобой связаны.»}

Раньше я никогда не чувствовала эту особую, эмпатическую связь с другим человеком, которую невозможно ни с чем перепутать. Несмотря на то, что подобная «нить» всегда соединяет души матери и ребенка, я никогда по-настоящему не проникалась маминой болью, и была лишь сторонним наблюдателем разрушающих ее эмоций.

Да, я переживала за Элисон, когда видела ее страдания, но куда сильнее меня ранило собственное чувство вины, сдавливающее в тугой кокон, покрепче капсулы Мака.

Любое мое стремление спасти близкого человека или оказать ему помощь, всегда начиналось со слова «я».

{Моя вина.

Мое сожаление.

Мой долг...

Мир вращается только вокруг меня. Он такой, каким я хочу его видеть.}

И поэтому, я испугалась. Мне стало страшно, от того, что рядом с Маком, я забывала об этом «я». Еще хуже стало в тот момент, когда поняла, что без его присутствия – меня словно вовсе нет. Нет ничего страшнее, чем сомневаться в своей реальности, смотреть на небо, солнце и звезды, и задавать себе одни и те же вопросы: «Это все по-настоящему? Кто я? И зачем существую, если кажется, что у меня нет никакой свободы воли, а вся моя жизнь – сплошной коктейль из боли и вечной погони за недостижимой мечтой?»

У каждого она есть. Недостижимая мечта. Идеал, к которому мы стремимся. Совершенный образ, без которого наше существование бессмысленно. В детстве, моим любимым занятием была визуализация (хотя об этом термине я узнала куда позже). Я просто закрывала глаза и представляла себя взрослой, роскошной девушкой, звездой сцены, окруженной друзьями и близкими... свободной, красивой, а главное – любимой. Картинка всегда заканчивалась одинаково: я встречаю рассвет на балконе своего уютного и просторного дома у океана. Я живу в гармонии с собой, я знаю, что с

моими близкими все хорошо, а у меня есть «завтра» и свобода воли.

А еще у меня есть Он. Мужчина Моей Мечты.

Тот, с кем сердце больше не ищет других. Особенный. Словно созданный для меня. Мой неидеальный идеал, в котором я буду любить все недостатки. Он обнимает меня со спины, а я смотрю то на пену, рожденную бурными волнами, то на внутренний двор нашего дома, где наши дети играют с большой собакой. Мне был неважен пол моих детей, но «мое кино» всегда показывало мне мальчика и девочку.

Банальный у меня «Идеал». Но недостижимый уж точно. И горько каждый раз от этой мысли, потому что хочется быть уверенной в том, что игра (то есть, сама жизнь) стоит свеч. Что жизнь может стать такой, какой на моем незримом постороннем слайде.

{«Мой опекун говорил: „Мы здесь для того, чтобы быть счастливыми, Кэндис. Позволь себе все, о чем ты мечтала, и Вселенная даст тебе это. Позволь, откинув все страхи и сомнения.

– Кто такая Вселенная? Что значит „позволить себе“? – я всегда слушала его с открытым ртом, и задавала много глупых вопросов. И, конечно, я не понимала многих его ответов, и его слов, сказанных слегка задумчивым тоном.

– Я имею в виду, иметь намерение, Кэндис. Вселенная... это место, где есть все. И где нет ничего. Но я больше склоняюсь ко второму варианту. «»}

Легко сказать, Руфус, «позволить себе».

Макколэй не мой родственник, не близкий мне человек, он лишь тот, кто все это время проводил эксперименты над моим сознанием и телом, и, кажется, добился того, чего хотел – я начала медленно сходиться с ума.

Но куда хуже то, что сейчас меня ломает изнутри, стоит лишь вспомнить холодный взгляд зеленых глаз, что даже в воспоминаниях затягивают в свой колдовской омут, заманивая в черную дыру, его бездну.

Он что-то сломал во мне, испортил.

Искусным движением рук злой гений буквально «вскрыл» меня и «настроил» струны моей души под себя, словно я – робот, которого можно запрограммировать так, как ему вздумается, соединив необходимые проводки, нервные окончания. Только он не ожидал того, что я могу и током ударить... в ответ.

То, что Макколэй сделал со мной, действительно похоже на искусственную установку почти сверхъестественной связи. Когда волей-неволей воспринимаешь человека, не как отдельное существо, а как часть своего организма. Каким бы он ни был, какую бы опасность в себе не таил...

Я почувствовала это всей кожей, каждым атомом изнывающего от переизбытка эмоций сердца, когда мы были в Хранилище.

Я пытаюсь его изгнать, оборвать эти узы, и выбраться из ментального шибари, которое невозможно увидеть – лишь

почувствовать... но разве можно отвергать часть себя?

Все началось немного раньше, еще до Хранилища. Пришло время разобраться в клубке противоречивых чувств и вырваться из капкана необдуманных поступков.

Впервые я ощутила эту связь в ту ночь на Бали. Я проснулась в холодном поту, со скованным ледяными иглами сердцем... в ушах стучала кровь, но ее ток не заглушал других пугающих меня звуков. Сначала я подумала, что их издает дикий зверь, случайно забредший на территорию виллы, и лишь спустя несколько секунд поняла, что низкое рычание, сдерживаемые крики боли принадлежат Макколэю.

И это было странно... ведь позже, я убедилась в том, что Макколэй находился в операционной, и между нами было довольно большое расстояние и звук падающей воды, но я слышала все так, словно он находился рядом. Будто голос Мака звучал у меня в голове. Это было первым «звоночком» безумия...

Я все списала на проделки «датчика», напрочь исключив другие варианты, несмотря на то, что мою голову простреливала невыносимая боль, от которой самой хотелось выть во весь голос. Собравшись с духом, я накинула халат на голое тело и побежала в лабораторию – естественно я была уверена в том, что Карлайл находится там, и еще больше была уверена в том, что Мак будет не рад меня видеть.

Прорвавшись, через «водяную стену» водопада, я замерла на пороге: приложив ладони к губам, я сдержала крик, гля-

дя на капсулу, стеклянная гладь которой переливалась всеми цветами радуги. Сам аппарат издавал непонятные космические звуки, но я все же решила подойти к капсуле и заглянуть в систему Управления. Надпись на экране гласила: «До завершения Стабилизации и диагностики живого организма Angius осталось девять минут.»

Сквозь плотное стекло и призму переливающихся бликов света, я рассматривала Макколэя. Он больше не кричал... казалось, мужчина мирно спал, но я видела, как быстро вздымалась его грудь и сама не заметила, как моя начала опускаться в такт с дыханием Мака. Сердце больно билось о ребра, но я знала, что должна сделать это...

Зайти в его лабораторию. Самым постыдным было то, что я хотела этого сама, а не только потому, что именно это велел сделать Палач в своем последнем письме. Мысленно я оправдывала свой поступок тем, что имею полное право проникнуть в душу Мака, потому что он первый начал залезать в мою.

Я хотела своими глазами увидеть каждый «скелет» в его шкафу. И прекрасно знала, что лаборатория Мака – это не только святая святых Карлайла, непробиваемый, как и его душа, холодный бункер... но и целый клад ответов на мои вопросы.

И у меня оставалось лишь восемь минут, чтобы урвать хоть малейшую крупицу бесценной информации, получить хотя бы один маленький ответ...

И, конечно же, я пожалела о том, что вообще туда проникла. Пора бы уже начать учиться на своих ошибках, ведь в прошлый раз подобная глупость не привела ни к чему хорошему.

И увидела я достаточно для того, чтобы всерьез испугаться и в очередной раз почувствовать, как весь мой внутренний мир переворачивается подобно песочным часам.

Первое, что увидела, оказавшись за открытой дверью лаборатории – это огромную голограмму глобуса, на которую были направлены вибрирующие лучи разных цветов. На самой карте мира, мерцали красные точки, каждая из которых была подписана.

{Землетрясение в Сан-Франциско. Семь баллов.

Ураган, охватывающий Флориду, Кубу и часть Мексики...

Различные взрывы, извержения вулканов, цунами, природные катаклизмы, и не только... это бы не выглядело так жутко, если бы каждая из этих надписей не была бы датирована числом из будущего.}

Мне стало не по себе. Мурашки мгновенно атаковали каждый дюйм кожи, потому что этот долбаный глобус был не что иное, как план по уничтожению нашей планеты, как бы парадоксально это ни звучало.

Потому что те единичные точки с прошедшими датами, с присвоенными им военными действиями, или природными

катастрофами, совпадали с реальными событиями на планете. Я никогда особо не следила за мировыми СМИ, но новости о самых глобальных бедствиях всегда были на первой страничке, при входе в систему «Алекс» и невольно попадались на глаза.

{ Я хочу, чтобы ты запомнила одну вещь. Я приоткрою тебе завесу тайны: он – ядерная бомба. Если ты не примешь нашу сторону, все потеряет смысл. Все исчезнет, } – { пророчество Палача навязчиво пульсировало в висках, пока я стояла и жадно глотала ртом воздух. }

Я все равно до конца не понимала, что означают его слова, но вполне могла поверить в то, что Карлайл может оказаться безумцем, который хочет каким-то образом поработить весь мир, сделать из Земли свою лабораторию или личную колонию. Провести глобальный эксперимент, где каждый человек будет закован в капсулу его личного изобретения. Черт, я уже не раз убедилась в том, что в голове у этого человека может быть что угодно. Иногда складывается такое впечатление, что он мнит себя великим программистом, создавшим старенькую игру «The Sims» и стремится к утопии, где он будет главным постановщиком и создателем всех событий, а мы так – простые смертные люди, свято верующие в то, что мы что-то в этой жизни решаем, и идем пить кофе, потому что хотим этого, а не потому, что он нажимает на соответствующую кнопку на своем пульте мироздания. К слову, эту игру запретили почти в то же самое время, когда

изобрели систему каст, но в моей «чудо-библиотеке» можно было найти все, что угодно.

Все это звучало бы глупо, если бы я не знала, не прочувствовала на своей коже, насколько Карлайл циничен. Я давно поняла, что люди для него лишь скопление клеток и атомов, которые представляют для него интерес, только когда он смотрит на них через призму микроскопа.

Но, конечно, как и любой девушке, мне присуща наивность и глупость, и я позволила себе думать... что, несмотря на то, что он делал со мной, я – особенная.

{Ты мое исключение, – чувственный шепот из моих воспоминаний вызывает озноб во всем теле.}

Долбаное заклинание, которое еще больше окутало меня сетями Карлайла.

Прекрасно понимая, что времени у меня осталось мало, я попяtilась к выходу, как вдруг мой взгляд зацепился за пустую капсулу, и сердце болезненно екнуло в груди, всплыли нечеткие картинки на подкорке подсознания. У меня почему-то не было никаких сомнений в том, что именно эта стеклянная коробка была моим домом целый месяц, пока я находилась в глубоком сне. Макколэй не имел никакого права поступать со мной так бесчеловечно, и волна поутихнувшей на него злости захлестнула меня с новой силой. До пробуждения Мака оставалось минуты четыре, но я прекрасно понимала, что возможно, это мой последний шанс... узнать хоть что-нибудь. Не знаю, на что я рассчитывала. Наверное,

в глубине души я надеялась, что найду волшебную бумажку, на которой написаны ответы на все мои вопросы, и еще несколько в придачу – с подробной инструкцией, что мне делать дальше. Как дойти до финала непроходимого квеста, в который превратилась моя жизнь?

За одну секунду преодолев расстояние до капсулы, я уткнулась в текст на экране, предварительно проведя по нему пальцем, и сделала вывод о том, что страничка, отображенная на голограмме, заблокирована – листать страницы своих записей может только Макколэй. Но я могла прочитать все, что написано на открытой моему взору странице.

{Объект «Enigma»

15 июня, 2078 года

Создание копии энергетического центра «Анахата»}

{...ряд тестов открывает новые грани личности объекта «Enigma», пригодные для дальнейшего использования и создания универсальной копии. Понадобилось не так много времени, чтобы разблокировать необходимую информацию в данном индивидууме, что еще раз подтверждает правильность моего выбора. Психика объекта устроена и настроена впоследствии мною таким образом, что датчик с легкостью принимает электромагнитные волны, излучаемые «Энигмой» в момент выброса сильных эмоций. Чувства глубокой привязанности, и безоговорочной отдачи энергии, сил, концентрации мыслей обращены ко мне, то есть, к Созда-

телю, что соответствует плану. За 47 часов работы я планирую закончить кодировку алгоритмов поведения, свойственных объекту «Enigma».

Мне удалось зайти очень далеко.

И я знаю, что мне всегда будет мало.

Алгоритмы поведения представляют собой бесконечность, но опыт показывает, что возможно лишь создание некой скопированной «базы», на которой будет строиться в дальнейшем эмоциональная составляющая новой особи. Ночь, проведенная с объектом на вершине вулкана, стала неким подытогом проделанной работы над приручением живого существа и еще на один шаг приблизила меня к Цели. Побочные эффекты от подобных воздействий на «Enigma» остаются прежними: безоговорочная отдача энергии, сил, и полная концентрация мыслей на мне, моральное и физическое истощение, депрессия, и завершение жизненного цикла объекта, как правило: мучительное. }

Иначе говоря, смерть.

Сказать, что я была в шоке, и меня трясло, значит, ничего не сказать. Тугой ком обиды и боли поднялся из самого сердца, и застрял поперек горла воткнутым ножом, который не давал дышать, медленно лишая кислорода, доводя до такого состояния, когда весь мир перед глазами превращается в мерцающее водянистыми каплями месиво.

Мне казалось, ни одна живая душа в мире не испытывала

подобной боли, которую ощущала в тот момент я. Спросите, почему? Да потому что я сомневаюсь, что на планете есть второй такой больной на всю голову человек, который способен убийственно нежно поглаживать меня по волосам, одновременно заглядывая в глаза так, словно я для него нечто особенное, неповторимое, единственное в своем роде...

И при этом быть настолько мерзким, циничным, хладнокровным. Двинутым ученым, который целует тебя так, словно ты для него гребаный воздух, и при этом время от времени поглядывает на проклятый датчик и мысленно называет тебя «объект».

Я не знаю, что может быть хуже. Несмотря на то, что я всегда знала, что вместо сердца у Карлайла кусок айсберга, я была уверена... что у него есть ко мне чувства, что-то большее, чем пресловутое «сотрудничество»... и что я вижу сейчас? Что он пишет обо мне, как о предмете. Я, конечно, не надеялась найти в его лаборатории слезливые мемуары посвященные мне, но... не это точно.

Какой-то непонятный текст, смысл которого мне предельно ясен: никакое я не «исключение». А просто полная идиотка... точнее, как там? «Прирученное живое существо», питомец, если не меньше. Я – объект.

Каждый раз, я думаю, что он не сможет унижить меня сильнее, ударить еще сильнее... и горько ошибаюсь в своих предположениях.

В тот момент, я была сама себе противна. За то, что смею

испытывать к нему нелепое преклонение и восхищение, за то, что позволила мужчине стать центром моей жизни. Мужчине, который никогда не был и не будет моим. Одна разрушающая и горькая мысль цеплялась за другую, умножаясь на чувство страха перед «оружием» и чувство долга перед сестрой и матерью...

Я и правда оказалась в запутанном лабиринте. И казалось, ни одна дорога не приведет меня к выходу...

Думала, что задушу его, как только вновь окажусь в операционной. Разобью к черту капсулу и вцеплюсь в горло Карлайла со всей дури, вонзая ногти в пульсирующие вены на его шее.

Но я... не могла, не хотела. Как только увидела его, мой мир вновь перевернулся с ног на голову. Я понимала, что это неправильно, что на самом деле «свободная я» не чувствует никакой связи, но другая часть меня, видела Карлайла в другом свете: для нее он стал всем.

{Мой...

Конец и начало. Сон и реальность. Холод и жар. Закат и рассвет. Вулкан эмоций и глубокий океан, полный тайн. Высший разум... Бог. }

Это явно не было мыслями свободной личности, которой я всегда так хотела стать. То было поведение безвольной куклы, слепо доверяющей своему Создателю.

– Мак... ты кричал, и я проснулась... – первое, что произнесла, когда он очнулся, и капсула открылась, прекратив

издавать космические звуки.

– Проваливай, – Мак сел на стальной поверхности, и вскинул на меня один из своих далеких взглядов, от которого моя душа окончательно покрылась инеем.

– Что...? – прирученная им часть меня, не собиралась сдаваться, и вопреки упрекам гордости и голосу разума, я нежно коснулась его обнаженных крепких плеч, мечтая подарить ему свою заботу, поддержку... любовь. Крепко обнять, и прошептать ему, что он не один в этом мире, что у него есть я, и что если он просто возьмет и расскажет мне, кто он на самом деле, и что происходит, то... я приму его сторону, какой бы она ни была.

– Еще раз зайдешь – останешься здесь надолго, – в его голосе не было ни зла, ни раздражения. Пустота, вакуум, ни капли чувств и эмоций по отношению ко мне... лучше бы он меня ударил. Лучше бы взял за горло или плечи, хорошенько встряхнул, заглянул бы в глаза, в которых отразились бы все оттенки его чувств ко мне и одно самое важное:

Что я для него человек, личность, в конце концов – желанная женщина. Но глаза Карлайла оставались не более чем мерцающими стекляшками.

И я убежала, не оборачиваясь. Проплакала всю ночь, осознавая, что так больше не может продолжаться. Я не могу позволить кому-то использовать себя. Собирала раздавленную гордость по кусочкам, утешая и лелея ее.

Я не понимала его... по-прежнему не понимала. И я меч-

тала, что однажды проснусь с человеком, который прижмет меня к себе, потому что я действительно нужна ему, потому что я – его мир, а не девушка – объект, и не девушка, способная открыть хранилище (уже после произошедшего в Швейцарии, Палач мне рассказал, что ячейку могла открыть только я).

Мне хотелось проснуться в другой жизни, и не знать, кто такой Макколэй Карлайл.

{Мне хотелось обратно.

Жить по сценарию.

В мою свящую святых – зону комфорта.

Там хорошо. Там все просто и убого. Но зато так уютно.

Не правда ли?}

* * *

Опускаюсь под воду в ванной, задержав дыхание... резко выныриваю, окончательно обрывая бесконечный поток терзающих воспоминаний о той ночи на Бали. Закончив водные процедуры в просторном джакузи, выхожу из него и завязываю на груди полотенце. Скорее, по инерции, чем из желания посмотреть на себя в зеркало, протираю салфеткой запотевшее от пара стекло. Нервно кусаю губы, пытаюсь не обращать внимания на едва заметные синяки на теле, полученные во время бурных схваток с Карлайлом.

И один последний, полученный в Хранилище, от удара об

стену... поворачиваюсь к зеркалу спиной, и, приспуская полотенце, пытаюсь визуально оценить, сколько еще времени мне ходить с подобным «украшением» на теле. Быстро теряю интерес к крупному желто-коричневому пятну с красными вкраплениями полопавшихся сосудов, потому что всем моим вниманием мгновенно овладевает татуировка ветвей Сакуры... и безобразные шрамы, прикрытые набитыми распустившимися бутонами.

Несмотря на современные методы обезболивания, я чувствовала каждое прикосновение иглы к своим шрамам. Сначала. А потом, ощутила, как Макколэй сжал мою ладонь, и я просто смотрела на костяшки и слегка набухшие вены на его руке, чувствуя ее вес и силу. Поднимала на него взгляд и забывала о боли, пропадая в гипнотизирующем омуте зеленых глаз...

Я не должна о нем думать. И не должна больше проверять новости каждый день, с отчаянием выискивая информацию о нем... рано или поздно, мы, конечно, встретимся, чтобы решить некоторые вопросы насчет моей мамы, но я хочу быть готовой к этому моменту и больше не собираюсь терять голову.

Я не знала причину его приступов и неадекватного поведения в Хранилище, но знала, что он жив и сейчас находится под стражей, как подозреваемый в покушении на жизнь Стефана Грейсона, отца Джеймса. О подробностях СМИ молчали. В то, что Макколэй психически болен, мне верилось

с трудом, но факт остается фактом – очевидно, его нервная система устает контролировать все происходящее двадцать четыре на семь, и у него случаются подобные «срывы», которые напоминают мне агонию наркомана, страдающего от ломки.

{Скажи мне правду, Энигма! Скажи мне. Правду. Я не могу! Не могу... я тебя не вижу. Я ничего не вижу...}

На какое-то время я отключаюсь, а когда вновь прихожу в себя, понимаю, что смотрю на то, как вода, сливаясь в сток, образует мощный водоворот, сопровождающийся характерным звуком. Невольно переносюсь на пляж, и вспоминаю слова Мака о воронках энергии в наших телах... мысленно сопоставляю с теми записями, которые увидела на экране в лаборатории. В очередной раз пытаюсь его понять, но ничего не выходит. Оправданий тому, что он делал со мной нет, и не может быть.

Снова одергивая свои мысли о Маке, я бросаю беглый взгляд на Носитель, и замечаю пять новых пропущенных от Джеймса.

Не знаю, хочу ли я ему отвечать...

Выхожу из ванной комнаты, поежившись от прикосновения холодного воздуха к коже, наливаю до краев бокал игристого вина (третий за вечер), и подхожу вплотную к панорамному окну от пола до потолка, глядя на вид, что открывается с пятидесят пятого этажа одного из небоскребов. Ве-

чером, Нью-Йорк превращается в калейдоскоп огней, подтверждая свое звание «города, что никогда не спит». Прошло две недели с того дня в Цюрихе, и, если честно, для меня каждый час был прожит в поволоке тумана. И это, несмотря на то, что я не работала, никуда не спешила, скорее наоборот – безбожно бездельничала, пытаюсь прийти в себя после долгих недель изоляции, проведенных с одним человеком. Я была подавлена, морально слаба, и не знала, как выйти из этого состояния. Ощущение, что кто-то стоит у меня за спиной и постоянно «высасывает» из меня жизненные силы не покидало, хоть я и не верила в подобную чушь.

У меня было лишь одно предположение – датчик, прикреплённый Маком имеет небезопасное для здоровья излучение, но снять самостоятельно его невозможно. Разве что, содрать вместе с кожей.

Эту квартиру снял для меня Джеймс, и я не стала отказываться от подобного убежища по вполне понятной причине – я нуждалась в защите, и игры Палача не оставляли другого выбора.

Круз рассказал мне о том, что Руфус завещал мне деньги и имущество, а также вольную – бумажку, которая могла бы сделать меня членом Средней касты, но распорядиться всеми благами, оставленными опекуном, я смогу лишь по достижению двадцати однолетнего возраста. Эту информацию еще нужно проверить, но, если честно... мне ничего не нужно сверх меры. Лишь деньги на лечение мамы, крыша над

головой и свобода.

Ставлю опустошенный бокал вина на прозрачный столик у окна, замечая огромный букет белых лилий, аромат которых, благоухает на всю студию. Это первые цветы от Джеймса, которые я не выкинула. Устала таскать огромные букеты к мусоропроводу. Я игнорирую его звонки, прекрасно понимая, что у него есть ключи от этой квартиры, и он в любую секунду может выставить меня за дверь. Как ни странно, я уверена в том, что этого не произойдет. И судя по взгляду и заботе, которой он окружил меня после инцидента в Хранилище, выполнить часть задания Палача, будет не сложно.

Сблизиться с ним.

Сделать так, чтобы он сделал меня частью Элиты.

Вопросов много: означает ли это, что я должна добиться брака с наследником? И зачем это Палачу? Но дело не только в том, что я не хочу никакого сближения с Грейсоном, а в том, что я остаюсь каким-то безвольным элементом большой игры за власть, о правилах которой пока не имею понятия.

Загвоздка в том, что гордость не позволяет простить Грейсону то пренебрежение, с каким он смотрел на меня на том роковом шоу.

Ведь так просто простить мужчине его силу – я готова бесконечно прощать Карлайлу его давление, стремление к господству надо мной и замашки собственника.

Но куда труднее простить мужчине слабость... а то, что Джеймс в какой-то степени слаб и зависим от мнения отца и

общества, иначе не назовешь.

Ну и последней элемент игры – моя мама. Макколэй упоминал о сюрпризе, который ждет меня в Нью-Йорке, и только вернувшись сюда, я поняла, что он имел в виду. Специальные практики гипноза и новое изобретение Макколэя, которое позволяет записывать сны и воспроизводить их, доказывают то, что моя мама прекрасно помнит меня... по крайней мере, если ее сон является воспоминанием. В последний раз, когда я была в клинике, врач показал мне запись сна Эвы в виде погружения в виртуальную реальность. Я надела на глаза специальные очки, и увидела то, что снится матери каждый день, после сеансов гипноза:

{– Руфус, дай мне ее. Дай мою девочку, – шепчет устало мама, лежа на кровати, напоминающей больничную. Около нее стоит капельница, какие-то распадающиеся на пиксели приборы (в записи сна четкостью обладают лишь те объекты, на которых было заострено внимание его владельца), все остальное кажется белым и размытым. Кроме Руфуса и младенца, которого он нежно прижимает к своей груди, мягко покачивая.

– Она очень красивая, Эва. Прости, что пришлось забрать ее на несколько дней. Я должен был проверить, все ли в порядке. Да и тебе нужно было прийти в себя после тяжелых родов. Можешь не переживать, шрам на животе станет практически невидимым, – Руфус протягивает матери крохотный сверток, и ее глаза наполняются слезами, когда она берет ма-

лышку на руки.

– Необыкновенная девочка. Руфус... с ней все как-то иначе. Не так, как с Элли. Словно это мои первые роды, – немного отстраненно замечает мама, складывая пушистые брови домиком. Только сейчас я поняла, что мамина внешность практически не менялась, пока она не потеряла рассудок. Конечно, дело в хорошей генетике или не слишком активной мимике, но эта совсем юная Эва мало отличалась от той, что я знала, будучи подростком.

– У тебя две дочери, Эва. Не забывай об этом, – я даже вздрагиваю, узнав в стальном тоне опекуна, отражение голоса Макколэя. Холодном, приказном. Убедительным. Так говорят, когда хотят уверить в своей правоте, но совсем не факт, что она является истиной. – Они обе – особенные.

– Да, я знаю. Я люблю Элли, ты же знаешь. Но эта девочка... просто чудо. Время останавливается, когда я смотрю в эти голубые глазки. Я назову ее...

– Как насчет «Энигма»? Загадка. Ее рождение – тайна, не так ли, Эва? Настоящее чудо.

Мама поднимает растерянный взгляд на Руфуса, медленно моргая.

– Да... ты прав, – и она снова нежно улыбается, поправляя края свертка возле скрытого от моих глаз лица младенца. – Энигма будет ее вторым именем, Руфус. Я хочу называть ее Кэндис.

Опекун одобрительно улыбается маме. Их отношения ка-

жуются мне очень странными... отчасти, они напоминают мои отношения с Маком. И Руфус выступает в некой роли покровителя и дрессировщика для моей мамы, это невозможно не почувствовать, особенно сейчас, когда Макколэй научил меня подмечать детали.

{– Молодец, Эва. Именно такого ответа я и ждал. Хотел, чтобы ты тоже дала ей имя. Сама. Мне нравится, когда ты настаиваешь на своем.

– Я боюсь, Руфус... – вдруг шепчет мама, и Руфус склоняет голову на бок, прищурив веки. – Он вернется за мной, да? Роджер.

– Да, Эва. Боюсь, что да. }

После просмотра маминого сна, ответов не прибавилось. Только добавились новые вопросы. Но если эта запись и сон является воспоминанием, а не всего лишь сном, то это уже огромный скачок в исцелении мамы. И именно этот отрывок из прошлого проливает свет на тайны моего прошлого.

Руфус знал мою маму до того, как спас нас, когда мне было десять. Он знал и Элисон. Черт возьми, да он был первым кто взял меня на руки! Получается, сказка про отца и долг перед ним – всего лишь выдумка? Но как все это возможно, и что такого особенного в моем рождении?!

Может быть, имеется в виду, что мое рождение, как и любого другого человека – чудо? Или здесь таится более глобальная тайна?

Вздрагиваю от звонка в дверь. В последнее время, я, как и

Макколэй, испытываю дикое раздражение, когда посторонние звуки нагло вырывают меня из потока мыслей. С опаской оглядываюсь по сторонам, но понимаю, что бежать некуда. Я не успею даже переодеться, поэтому так и стою в полотенце, потуже завязывая его на груди, и прислушиваюсь к тому, как срабатывает электронный замок, открывается дверь в мою студию. По звуку шагов окончательно понимаю, что это Джеймс – я научилась узнавать его вальяжную походку, свойственную лицам привилегированной крови. Сердце в груди заходится по мере того, как он приближается ко мне. Я чувствую прямой и слегка жадный взгляд мужчины прямо на бутонах Сакуры, открытых его взору.

– Красивая, – тихо произносит он, имея в виду то ли меня, то ли татуировку. Может быть, все вместе. Я чувствую его дыхание, согревающее кожу затылка, и молю Бога о том, чтобы он не смел прикасаться к моей спине.

К моему счастью, Джеймс опускает ладони на мои плечи и слегка сжимает их.

Я молчу, чувствуя себя деревом, бревном. Девушкой, неспособной ответить на ласку мужчины, не способной принять его запоздалую заботу, раскаянье, чувственность, желание...

– Что мне сделать, чтобы ты меня простила? Я скучал по тебе каждую секунду, после того... случая. Чувствовал себя дерьмово, – *{а я охрененно себя чувствовала, дорогой.}* – Я хотел вернуть тебя. Ждал, когда это станет возможным. По-

верь мне, Кэн.

– Смешно, – равнодушно отзываюсь я, глядя на вспыхивающие и мерцающие огни в центре города. – Смешно это слышать. Твоя невеста в курсе, где ты проводишь вечер?

– Кровь для моей семьи превыше всего, Кэндис. И это нормально. Вспомни историю, Королевские семьи. Изредка, наследникам позволяли связывать судьбу с... эм, простыми девушками, но, как правило, не в тех случаях, когда они являются первыми в очереди. Представь мой отец своим приемником не меня, я бы вообще об этом не думал, Кэн. Но у правящей касты тоже есть свод правил, которых мы обязаны придерживаться, понимаешь? Поэтому мой союз с Бьянкой, это всего лишь шаг, который приближает меня к часу, когда я займу место отца, и, наконец, смогу что-то изменить.

– Господи, ты что «Игры Престолов» насмотрелся? – вспыхиваю я, вспоминая старый сериал, который смотрела в подростковом возрасте. Узнала я о нем благодаря одноименной книге, десятками лет пылившейся в любимой библиотеке.

– Ты же знаешь, я не смотрю фильмы, – парирует Джеймс.

– Твоя пламенная речь меня несколько не тронула, Джек. Не стоило так распыхляться. Всю твою тираду можно уместить в одно предложение: «Я предлагаю тебе стать моей любовницей, но официально я буду принадлежать девице, которая рождена с шикарным набором ДНК, в отличие от тебя», – бросаю сквозь зубы я, нервно теребя ворсинки поло-

тенца, завязанного в узел.

На поверхности стекла улавливаю черты Джеймса, и вижу, как наши взгляды встречаются в слабом отражении.

– Нет, не любовницей. Моей любимой женщиной, – губы Джека касаются затылка, и я прикрываю веки, пытаюсь привыкнуть к... другим, чужим прикосновениям. Я должна это сделать. Обязана.

– Иди и скажи об этом своей потенциальной невесте, – отрезаю я, делая шаг вперед, отстраняясь от мужчины, скорее произвольно и инстинктивно, а не для того, чтобы умышленно «набить себе цену».

– Я стану Премьер-Министром, Кэндис. Рано или поздно. И именно благодаря тебе, я намерен полностью сменить политику в нашей стране, – сердце пропускает удар от подобного заявления. Что?!

– И ты пойдешь на это? На конфликт с отцом? И что значит изменишь? Это возможно? Ты не Царь, не Король, у нас не монархия. Кроме тебя, страной управляют пять членов парламента.

– Но мое слово будет иметь наибольший вес. И я уже пошел против отца и семьи, когда прилюдно дрался из-за тебя с Карлайлом. Стефан не идиот, и он прекрасно все понял. И в данный момент он имеет на меня влияние, не отрицаю. Но ты... Кэндис, ты что-то изменила во мне. Вдохновила. Заставила задуматься, проснуться... знаешь, та встре-

ча в самолете была каким-то озарением, самой волшебной неслучайностью в моей жизни. Я никогда не летал в общественном транспорте, был погружен в свои мысли, а потом услышал твой голос... черт, ты думаешь, это могло быть совпадением? – прикусываю нижнюю губу, попадая в плен его рук. Джеймс крепко обнимает меня со спины, прижимаясь губами к волосам. Глубоко вдыхает, сжимая талию, слегка стискивая полотенце под грудью. Не знаю, что я чувствую. Я хочу привыкнуть к нему, принять его, как минимум, физически, хочу, чтобы мое тело «настроилось» на другого мужчину. Поэтому я позволяю себе тонуть в его объятиях и слушать, бесконечно слушать его планы и обещания.

– Ты не сможешь изменить интересы людей, Джеймс. Не забывай о том, почему есть Бесправные и Низшие касты. Мы устроены иначе! И не нужны обществу, потому что люди не нуждаются в наших «услугах», которые когда-то считались талантами. И мое выступление было тому подтверждением. Знаешь... я не самовлюбленная дрянь, но я станцевала хорошо, обнажила душу! И да, я объективно себя оцениваю. И прекрасно знаю, что если бы большинство людей смотрели дальше своего Носителя, Экрана, или очков виртуальной реальности, мой танец бы не облили грязью и не назвали бы дешевым порно! Понимаешь? Это уже культура... другая. И люди не интересуются чем-либо, кроме новых гаджетов, игр, машин и телефонов, и мы... не можем творить, потому что боимся! Боимся быть высмеянными, оплеванными, ненуж-

ными. Смена власти ничего не изменит, Джек. Как ты не понимаешь? Проблема нас в самих... ответ внутри тебя... меня, любого... – отчаянно взмахнув руками, я всхлипываю, сама не понимая, откуда взялись все эти слова. Я говорила сердцем, и сейчас ощущала в нем легкую боль и тоску, желая хоть как-то унять это неприятное и ноющее ощущение. В момент, когда я попыталась вырваться, Грейсон прижимает к себе еще крепче. И его руки уже не сжимают, а поглаживают мою талию.

– Мне понравился твой танец, детка. Ты была невероятно чувственна, красива. Глубокая, загадочная, необыкновенная, – шепчет на ухо Джеймс, мягко прикусывая мочку.

– Не смей говорить все это. Твой взгляд на том проклятом извращенном «шибари шоу» отвечивал мне комплименты другого рода, – снова пытаюсь вырваться, но Грейсон, кажется, не намерен отпускать меня.

– Ты что-то делаешь с людьми, Кэндис. Все эти элитарные снобы сказали то, что от них хотели услышать. Они так не думают, поверь. Я говорил с одним критиком, и он признался мне в том, что его комментарий был заказным. На самом деле, ты произвела на него впечатление. «Тронула за душу». Так и сказал. Знаешь, в чем с тобой дело, Кэн? Ты как зеркало. В тебя смотришь, и видишь свое истинное отражение. Каждый. Долбанный. Недостаток. Изъяны маски, которую видят все остальные. И хочется снять ее, стать лучше... с тобой я совсем другой.

Нервно качаю головой, отрицая каждое слово Джеймса. Нет... нет. Он несет какой-то бред, да только зачем ему это? Неужели Бьянка настолько плоха, что он готов наплести мне что угодно, лишь бы стянуть с меня это полотенце, которое вот-вот слетит на пол?

– И знаешь что? Я все сделаю, чтобы ты хоть раз на меня посмотрела так, как на {него,} – сдавленным голосом произносит Джеймс. – И я хочу, чтобы ты знала, что ты единственная женщина, которая когда-либо была нужна мне. По-настоящему. Прости меня за то, что был... слабым. Мне чертовски тяжело говорить об этом. Но это так. Я поступил как трус, и...

Черт. Его слова звучат так искренне и проникновенно, что у меня холодеет область лопаток и затылка от подобных сакральных заявлений от Грейсона. Я где-то читала, что только перед девушкой, которую мужчина искренне любит, он может предстать уязвимым.

И я не знаю даже, в чем она, сила и мужественность, которая заставляет наши женские сердца таять?

Сила проявляется не только во властном голосе, и подавляющих взглядах. И все девушки, которые сходят с ума по безбожным тиранам, (я имею в виду, реальных деспотов, избивающих и унижающих женщин просто так, будто от скуки) считая их крутыми альфа-самцами, не хотят посмотреть правде в глаза – их мужчина просто слабак, самоутверждающийся за счет слабого существа.

Считаю ли я Макколэя тираном? Нет. Он, конечно, унижал меня, относился ко мне бесчеловечно... может, я его оправдываю, но Мак делал это из каких-то своих больных или гениальных, непонятных простому смертному, соображений, а не для того, чтобы ощутить себя значимым.

– Ты спишь с Бьянкой? – не знаю почему, но именно этот вопрос вырывается у меня, когда я ощущаю, как бедра Джека плотнее прижимаются к моим ягодицам.

– Это всего лишь секс. А ты ревнуешь? – непринужденно отвечает Джеймс, и только сейчас я понимаю, что я так и не видела его лица сегодня в живую, не считая слабых очертаний в отражении стекла.

– Даже не знаю. А что с Маком? Он до сих пор под стражей? – не знаю, может, я и правда ревную, раз решила уколоть его в ответ.

– Кэн, – голос Джеймса опускается на две октавы. – Ты спрашиваешь о нем, после того, что он сделал? Я не знаю, какие отношения связывали вас все это время и не хочу знать. Я хорошо знаю своего «друга» и уверен в том, что он не способен на чувства. Его отношения с противоположным полом – это всегда либо секс, либо расчет, получение своей выгоды. И прекрасно понимаю, что Карлайл обладает различными техниками давления, гипноза, нейролингвистического программирования, и может любую девушку погрузить в подвешенное, не ресурсное состояние. Я понимаю, что ты чувствуешь сейчас. Тебе кажется, будто твое тело, твои мысли,

не принадлежат тебе, – судорожно выдыхаю, чувствуя, как пальцы Джеймса осторожно касаются моей гортани, плавно скользят вниз, останавливаясь на углублении между ключицами. – Но это не так, Кэнди, – вкрадчивым голосом убеждает Джек, и слегка тянет полотенце вниз, тут же накрывая обнаженные груди руками, круговыми движениями пальцев ласкает соски. Постепенно они твердеют, несмотря на то, что внутренне мое тело изо всех сил сопротивляется его манипуляциям и ласкам. Внизу живота зарождается медленное пламя, заставляющее меня слегка прогнуться в его руках.

{Забывать. Забывать... позволить себе быть с другим. Я хочу этого. Пожалуйста, тело, послушай меня. }

– Он просто использовал тебя, как и всех, до тебя. Заставил, убедил в том, что ты... – Джеймс тихо усмехается. – Особенная, да? Карлайл уже не оригинален. То же самое он говорил Эрике, и их встречи продолжались, вплоть до вашего побега из страны.

– Мне плевать, – слишком пылко отвечаю я, ощущение ревности болезненно ранит грудную клетку. Низ живота тягелеет, бедра охватывает огонь желания... но не потому, что Джеймс трогает меня, уверенно сминая грудь ладонями и поглаживая кожу, а потому что я думаю о Макколэе.

Мысль о том, что он мог быть с другой женщиной, и трахал меня с присущей только ему жадностью рождает во мне целый фейерверк негативных эмоций. Ревность, гнев, ярость... обида, непонимание. Но фейерверк, от которого

каждая клеточка тела наполняется жизнью.

Такое чувство, что Джек говорит о Карлайле специально. Кажется, я где-то читала о подобном психологическом приеме.

Как все-таки странно устроено наше тело и психика. Порой, мы и правда ведем себя, как роботы – достаточно лишь знать на какую кнопку нажать, чтобы добиться той или иной реакции. И Грейсон сейчас конкретно давил на кнопку моего возбуждения, и находилась она там – в самом центре моих воспоминаний о самом горячем сексе в моей жизни. С Маком.

– Кэн, – Джек, наконец, избавляет меня от полотенца, и жадно притягивает к своему напряженному телу. Его плоть упирается между ягодиц, и я издаю тихий стон, когда теплая ладонь Джеймса накрывает мою промежность. Его пальцы тут же раздвигают складочки, и я слегка зажимаюсь, сопротивляясь его действиям. – Прости меня, – слегка поворачивает мое лицо в сторону, чтобы найти своим языком мой рот.

Как только наши губы соприкасаются, я испытываю сильный приступ удушья. Горло горит из-за невысказанных слов, эмоций, что давя в себе и собираюсь уничтожить окончательно. Ощущение невидимой петли, сковывающей шею, пережимающей каждую вену, не отпускает... я хочу разорвать ее. Хочу стереть каждое прикосновение Мака, и, наконец, по-настоящему избавиться от сетей, которыми он так прочно окутал.

– Полетаем, детка? – Джеймс прижимает меня к прохладному стеклу, разворачивая спиной к городу. Наши взгляды встречаются – в глубине голубых глаз вспыхивают жадные искры, но действует он вопреки своему взгляду, мягко и плавно, постепенно «разогревая» мое тело.

Раньше, мне нравилось это в нем. Джеймс был прекрасным, чувственным и неэгоистичным любовником. Единственное, что мне мешало достичь с ним оргазма – внутренняя зажатость, которая присутствовала во мне и сейчас. Нет этой «пелены» на глазах, поволоки тумана в разуме, когда границы дозволенного стираются, стыд испаряется, а блудница, что живет глубоко внутри каждой девушки, вступает в свои законные права и просто отдается мужчине, желая разделить с ним тот самый кайф для двоих...

Я не успеваю сказать что-либо, лишь прижимаю ладони к стеклу, когда Джеймс обняв мою талию, заставляя прогнуться, наклоняется к груди. Обводит языком ореолы сосков и спускается ниже, покрывая живот частыми поцелуями.

– Откройся мне, Кэн, – шепчет он, и я ощущаю плавное скольжение его языка по набухшим складочкам между ног. Предательская влага стекает по моим бедрам, и я чувствую облегчение и даже острую вспышку наслаждения, когда два его пальца легко входят в мое лоно и чертовски приятно давят на чувствительную точку внутри.

В какой-то момент мне кажется, что я задыхаюсь не от отвращения, а от безумного желания, завладевшего телом,

но потом понимаю, что я готова... но не для него.

– Джеймс... – хватаю и тяну Джека за волосы, прикусывая язык. Я чуть было не произнесла другое имя. Мне почти удалось расслабиться, и сладкие ощущения были так близко... все они быстро были разбиты волной отвращения, штормом окатившей тело.

– Джеймс! Хватит. Не надо. Я не могу, – я зажимаюсь и закрываюсь, испытывая жуткий стыд. Кашляю, и задыхаюсь, ощущая, как петля на шее вновь жаждет урвать свое.

Наверное, кашляю я действительно сильно, и Джек вынужден подняться с тяжелым вздохом, и обхватить мое лицо ладонями.

– С тобой все в порядке? Ты побледнела, детка... – окидывает разочарованным и в то же время заботливым взглядом.

– Прости. Я не могу. Уйди, пожалуйста, Джеймс. Я... я не готова. Ты можешь забрать эту квартиру, деньги... все. Я пойму. Я ни о чем не просила. Только уйди, пожалуйста, – умоляю, ощущая, насколько сильно меня трясет. Тошнота становится такой сильной и невыносимой, что мне приходится с трудом удерживать внутри содержимое желудка.

Я не понимаю, что это и с чем это связано. Мне просто неприятно даже присутствие Грейсона.

– Я тебя не отпущу, – обещает Джек, целуя меня в лоб. – Но и не буду давить и принуждать тебя, Кэн. Ты взрослая девочка, и вскоре сама поймешь, какой мужчина тебе нужен. Как минимум, здоровый, – произносит он не совсем понят-

ную мне фразу. – Просто знай, что я рядом, – шепчет у моего виска, а потом разворачивается и уходит. Я провожаю его идеальную мужскую фигуру взглядом, прекрасно понимая, что любая девушка мечтает оказаться в постели этого мужчины в безупречном костюме. Любая бы с удовольствием избавила его от тесных брюк и обтягивающей крепкие мышцы, рубашки, а я... я как всегда.

Как всегда не знаю, чего хочу. Но сейчас в приоритете у меня должно быть «надо». Мне надо сблизиться с Джеймсом... черт, как все сложно.

Тяжело дыша, я опускаюсь на пол, прислонившись спиной к стеклу. Запястье с датчиком вдруг вспыхивает от боли, и эта мучительная агония будто перетекает по венам и концентрируется в области между тазобедренных косточек.

Кое-что об этом месте я уже знаю, и понимаю, что моя боль имеет не совсем физиологический характер.

– Алекс, – обращаюсь к Носителю, который тут же отвечает мне голубоватым светом и характерным на команду-обращение звуком. – Скажи мне, какой энергетический центр находится внизу живота, – ощущая себя глупо, прошу я.

– Свадхистана. Функции энергоцентра: отвечает за сексуальные отношения, и эмоции.

– Черт. Ну почему так больно? – я ложусь на пол, уставившись в потолок. Мысленно перебираю кадры событий прошлого и вспоминаю, что со мной делал Макколэй, произнося название того или иного центра.

Я много раз спрашивала, зачем он это делал, на что он всегда отвечал туманное: «Любой человек в первую очередь, энергетически-информационная сущность, Энигма. Я помогаю информации стать более видимой. Понимаешь, о чем я?»

Нет бл...ь, не понимаю!

Глупо верить в то, что Мак каким-то образом «влияет» на эти самые мои центры, через датчик. Это все равно, что верить в магию.

Хотя...

{Наша жизнь давно стала настоящей «магией». Мы пересекаем пол мира за пару часов, лечим болезни, от которых страдали и умирали еще тридцать лет назад... благодаря чудесам пластических хирургии, мы (те, кто могут это себе позволить) практически забыли, что такое «старость»... границы возможного для человечества стерлись, и очень давно. Черт, да я даже в мамин сон могу залезть! Не магия ли это?}

Обхватив руками живот, я корчусь на полу от боли, осознавая лишь одно: вряд ли я когда-либо смогу заняться сексом с другим мужчиной, если, конечно, не закрою глаза, и в красках не представлю, что это Макколэй.

И даже если мне это удастся...

Мозг обмануть легко, но как обмануть сердце?

Глава 2

{Каждая частичка информации в мире скопирована. В бэкап. Кроме человеческого разума... Последнее аналоговое устройство в цифровом мире.

Мир дикого запада}

Макколэй

– То есть вы отрицаете то, что это творение – ваших рук дело? – с маниакальной одержимостью, я вглядываюсь в напряженные черты лица стоящего передо мной агента ФБР Лукаса Форда, и наслаждаюсь давно забытыми ощущениями своего прежнего мировосприятия и степенью осознанности.

Почему мне так важна эта пресловутая осознанность, почему так необходимо «видеть дальше и глубже», чем средне-статистическая личность или же человек с паранормальными способностями?

Ответ прост и лежит на поверхности. Только познавая все законы Вселенной, и этой материальной реальности, можно достичь того уровня восприятия, когда ты становишься властелином своей судьбы и жизни, а не наоборот. Это можно сравнить только с осознанным сном, когда ты вдруг понимаешь, что в твоих сновидениях, реальность подчиняется толь-

ко твоим правилам, а непостижимые пространство и время становятся для тебя инструментами, используя которые, ты становишься Творцом.

Если говорить совсем просто: жизнь хорошенько тебя поимеет, если ты сам не поимеешь ее.

И она чуть было это не сделала со мной, не без помощи деградации моего мозга, нуждающегося в проклятых таблетках.

{Что ж, отец, шутка удалась. Спрятать «D-вещество» в старую головоломку и в очередной раз поставить мою жизнь на кон – это в твоём духе.}

Продолжаю анализировать на первый взгляд каменную маску, сковывающую черты лица агента Форда. Я вижу его насквозь, безошибочно определяя тип личности, преобладающие черты характера, темперамент и много других мелочей, позволяющих мне составить его психологический портрет, несмотря на то, что офицеров такого уровня, несомненно обучают скрывать свои эмоции, и делают из них хладнокровных солдат.

Делать роботов из живых людей... это куда бесчеловечнее, чем создать искусственный интеллект, помещенный в человекоподобный панцирь из биоматериалов. Вопрос другой: почему этот агент или любой другой человек позволяет себе быть запрограммированным? Живет ли он жизнью, которой хочет жить, или же служит Правительству потому, что ему внушили безоговорочно отдавать свое время и ресурсы

во благо тех, кто стоит у власти?

Думаю, у меня еще будет время поделиться с вами своими открытиями на этот счет, ну а пока я ловлю кайф от того, что снова обрел себя. При желании я могу даже услышать стук сердца Форда, и мне не нужен полиграф {(прим. – техническое средство, используемое при проведении инструментальных психофизиологических исследований для синхронной регистрации параметров дыхания, сердечно-сосудистой активности, электрического сопротивления кожи),} чтобы определить лжет он или говорит правду.

А Форду нужен. И именно полиграф нового поколения он подключил к моему Носителю по беспроводной сети, но старался напрасно: мне нет нужды лгать.

– Отрицаю, – несмотря на запрет Фора и его людей, я прикасаюсь к предплечью мужчины робота, лежащего на поверхности стола сделанного из обтекаемого материала. Эта машина отключена, но вопреки своему привычному состоянию бесчувствия, я ощущаю довольно яркие эмоции: восхищение и гнев одновременно. Наощупь кожа робота совершенно не отличается от кожного покрова настоящего человека. Его оболочка – на 100 % также совершенна, как и у последних моделей моих девочек.

Меня трудно ввести в замешательство, но то, что я вижу... поразительно. Я был уверен в том, что я – единственный, кто способен создать нечто подобное. Доказательство того, что и у меня бывают сбои и просчеты, лежит передо мной,

черт возьми. Этого робота невозможно отличить от настоящего человека, и даже сейчас, пока мужчина пребывает в отключенном состоянии, а точнее «режиме сна», его грудь равномерно вздымается и опускается. Благодаря рентген экрану, спроецированному в пространстве над его ребрами, я и все присутствующие агенты в комнате, могут в деталях разглядеть тысячи проводов внутри робота, образующих целую нейросеть, способную к обучению и развитию.

Мои девочки, на первый взгляд, более совершенны, но этот экспонат – определенно нечто очень близкое.

Разумное.

Особенное. Уникальное.

И почему мне не пришло в голову создать армию таких солдат? Хотя мои роботы – тоже своего рода идеальные инструменты в борьбе за мировое господство: именно мои девочки, при включении определенного режима, влияли на крупные международные и внутренние сделки, они могли добыть почти любую информацию и своровать данные одного из Элитов, посещающих закрытый клуб, ну и конечно, все они собирали несколько образцов ДНК каждого члена «ENIGMA».

– Он не лжет, – констатирует очевидный факт Форд, обращаясь к остальным, безликим для меня, агентам. Все они одинаково одеты, и побриты почти «под ноль», что еще больше делает их похожими на этого робота, что является образцом идеального солдата.

Расплываюсь в ядовитой ухмылке, наблюдая за тем, как мужчина нервничает, медленно сжимая кулаки. На мгновение, форма Лукаса явно становится ему мала – настолько Форд напрягается, пытаюсь просканировать меня, и слегка горбит спину, что свидетельствует о том, что «мое дело» является важным звеном в его карьере, а данное расследование покушения на Стефана Грейсона – вселенский груз, который он держит на своих плечах.

И вот-вот переломится. Или это я, после принятия дозы, настолько самоуверен в себе, что у меня создается иллюзия того, что ломаю этих деревянных солдатиков Грейсона одним лишь взглядом. Но даже в столь бесстрашном состоянии, я напоминаю себе о том, что никогда не стоит недооценивать противника.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.